

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Ответственный редактор
А. М. ГРАЧЁВА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1994

Рецензенты Л. Н. КЕН, С. Ю. ЯСЕНСКИЙ

ISBN 5-86007-024-1

© Институт русской литературы (Пушкинский
Дом) Российской Академии наук, 1994
© Издательство «Дмитрий Буланин», 1994

СУПРУГИ РЕМИЗОВЫ В СУДЬБЕ ИХ ДОЧЕРИ И В ВОСПРИЯТИИ ЕЕ БЛИЗКИХ

Судьба моей матери Наталии Алексеевны Ремизовой (1904—1943) в общих чертах описана в книге Н. В. Резниковой «Огненная память».¹ И нижеследующие записки следует считать дополнением (а в чем-то, м. б. и комментарием) к сказанному Н. В. Резниковой — в том числе и к выдержке из моего письма к ней, приведенной в книге.²

Вместе с тем, поскольку судьба Наталии Алексеевны, особенно ее отношения с родителями во многом объясняются и определяются отношением к ним ближайшего окружения их дочери, представляется целесообразным именно с воспоминаний об этом отношении начать мои записки.

Стоит лишь подчеркнуть, что сложились они прежде всего на основе воспоминаний Лидии Павловны Довкгело* (младшей сестры Серафимы Павловны) и ее ближайшего друга, а моей крестной Веры Иосифовны Богатко, а также самой близкой подруги детства Н. А. Ремизовой — Елены Сергеевны Семеновой. Слышал я эти воспоминания во вполне сознательном возрасте — и за их достоверность ручаюсь. Наконец, я опирался на немногие сохранившиеся у меня семейные бумаги: фрагмент из воспоминаний на 6 страницах рукописи Сергея Павловича Довкгело — единственного брата Серафимы Павловны, а также из письма ко мне ее двоюродного брата Сергея Ивановича Самойловича от 26.VI.1962 г.

После 1903 г., когда Серафима Павловна вышла замуж за Алексея Михайловича, их приезды в Берестовец, где жили мать и сестры Серафимы Павловны, стали довольно редкими и краткими — по той причине, что родные Серафимы Павловны относились к Алексею Михайловичу достаточно критически.

Их удивляли и коробили некоторые внешние аспекты отношений между супругами Ремизовыми. Я отчетливо помню, с каким недоумением и иронией вспоминали и Лидия Павловна, и особенно Вера Иосифовна о том, что С. П. и А. М., живя в Берестовце, называли друг друга на «Вы» и по имени-отчеству.

* Таково родовое написание девичьей фамилии С. П. Ремизовой.

И это было лишь частным проявлением того, что семья Довкгело совершенно не понимала Алексея Михайловича — писателя и человека.

С. И. Самойлович резко отрицательно отзывался о недоступном, по его мнению, для понимания окружающих творчестве А. М. — и именно этим объяснял ту бедность, в которой, как он вспоминал, жили супруги Ремизовы в Петербурге: мол, товар, не находивший спроса, не мог прокормить семью писателя. В более мягкой форме, но по сути так же относились к творчеству А. М. и Лидия Павловна (делавшая исключение лишь для «Посолони»), и Вера Иосифовна.

Алексей Михайлович, очевидно, чувствовал, что он — то ли лишний, то ли чужой в Берестовецкой усадьбе, и во время приезда туда, как вспоминал С. И. Самойлович, был сосредоточен в своих мыслях, которыми ему не с кем было поделиться.

Об этом же вспоминала и Вера Иосифовна: периодами А. М. ни с кем в Берестовце не хотел разговаривать, нередко отвечал невпопад, произнося, как казалось окружающим, какие-то непонятные, бессмысленные фразы. В комнате, где жили супруги Ремизовы, А. М. рисовал бумажных чертиков и любовался ими. Садясь за работу, он иногда покрывался пледом с головой, что-то из-под него шептал и выкрикивал. И у родных и близких Серафимы Павловны подчас закрадывалась мысль о психической неуравновешенности А. М.

Е. С. Семенова, также помнящая эти подробности по рассказам ее матери, близко знакомой с родными семьи Довкгело, после прочтения первого варианта этих записок, не без основания писала мне: «Возможно, не все это вызывало неприязнь к нему, а наоборот — от неприязни все казалось странным, ненормальным...»

Но едва ли не главной причиной этой неприязни был страх матери и сестер Серафимы Павловны, что она и А. М. заберут от них Наташу, которую в начале 1906 г. они привезли в Берестовец — по сути навсегда.

Не подлежит, как мне представляется, сомнению тот факт, что А. М. был намного более нежным отцом, чем С. П. — любящей матерью. Доказательством тому, помимо воспоминаний Н. В. Резниковой, является его дарственная надпись на оттиске его рассказа «Мака», переданного мной в ИРЛИ:

Дочери моей, милой Наташе, которую много ночей на руках нося, кукуя, укачивал: ку-ку, ку-ку.

А потом, как начнешь ротиком ловить, — маму разбудим, мама тебя и кормит, тоже кукует.

Росла ты такая внимательная.

1916 г., Татьянин день, 12.1. Алексей Ремизов

Еще раньше, в 1912 г. писатель в ответ на неизвестное мне письмо дочери послал ей из Петербурга подарок: рисованную

им открытку, которая сейчас находится у С. Н. Григоряна. Нарисована на ней девочка на коленях, играющая с кошкой и собакой — и сделана следующая надпись:

Милая Наташа, письмо твое получил, пишешь ты твердо — рука у Тебя хорошая.

Сказок я без тебя не пишу. Давно я тебя не видел, а увижу и напишу: про «Снежок» напишу, как послала Баба-Яга одноглазку, двуглазку и трезлазку поймать в поле снежок. А когда ты будешь жить в Петербурге, будешь учиться, я сочиню тебе много сказок и про Зория-царевича и про Василия Кощеевича и про мышь Настасью и про кота Астафея. Целую тебя, птичка моя колосаяная, весну встречай, всем кланяйся: полю и цветочкам и бабушке и дому всему.

А. Ремизов. Петербург, 1912 г., 25 марта

Нежность писателя к дочери, горячее желание участвовать в ее воспитании, несомненно сквозящие в каждой из вышеприведенных строк, проявлялись и в том, что он старался снабжать дочь детскими книгами: П. Соловьевой-Аллегро «Елка», Н. Манасеиной «Мамино детство» с авторскими дарственными надписями Наташе (а в книге Соловьевой — и с посвященным ей стихотворением), которые сохранились у меня.³

Но этим его планам не было суждено осуществиться — и если верить воспоминаниям Сергея Павловича Довкгело, не по воле Наташиных родителей.

«В усадьбе — пишет он — начало жить и четвертое поколение в лице моей дорогой племянницы Натуси. Я не могу сказать, чтоб жизнь девочки протекала счастливо. Ее любили и баловали все окружающие: бабушка, тетки и я. Но мать и отец жили отдельно от нее. Ее оставили на короткое время в деревне у бабушки, бабушка, мать моей сестры, болезненно привязалась к девочке, настолько болезненно, что по заключению врача, разлука с девочкой грозила смертью моей матери. Сестра волей-неволей откладывала каждый раз на короткое время разлуку. Это создало атмосферу особого страха, страха приезда сестры в усадьбу. Девочка все больше привязывалась к домашним и все больше отвыкала от родителей — и всегда сильно волновалась перед приездом и во время пребывания сестры в усадьбе. Она облегченно вздыхала, когда уезжала сестра: опасения, что ее заберут, не оправдались. Не знаю, что чувствует Наташа к своей матери — думаю, что теперь ничего, хотя ей и внушали, что надо любить маму и папу. Она от них отвыкла».

В одном Сергей Павлович был несомненно прав: его любимая племянница не имела представления о матери, свойственного детям, растущим возле родителей. Лидия Павловна вспоминала, каким непривычным для девочки было слово «мама», которому ее пришлось учиться, когда Серафима Павловна приезжала в усадьбу: девочка привыкла называть мать так, как называли ее взрослые: Сима...

Но насколько именно она, а не только А. М., хотела забрать дочь к себе — вопрос, на который, думается, однозначного ответа быть не может.

Несомненно, разлука супругов Ремизовых с дочерью первоначально была вызвана теми исключительно тяжелыми материальными и бытовыми условиями их жизни в Петербурге, о которых через много лет с ужасом вспоминал в письме ко мне С. И. Самойлович, бывавший у Ремизовых в тот период. Но позже — во всяком случае после смерти Александры Никитичны — матери Серафимы Павловны (1915 г.) то препятствие к соединению родителей с дочерью, о котором пишет Сергей Павлович, отпало. И если бы Серафима Павловна, властную натуру которой отмечают все, знавшие ее (в том числе и Н. В. Резникова ⁴), по-настоящему настаивала на том, чтобы забрать дочь к себе — вряд ли бы этому смогли помешать не только сестры Серафимы Павловны, но и военная обстановка.

Думается, не случайно друг юности Наталии Алексеевны — профессор киевского университета Б. Е. Радзиковский в 1923 г. написал в хранящейся у меня шуточной биографии Наталии Алексеевны следующее: «Вскоре (после приезда ее в Берестовец — Б. Р.) мама и приехавший папаша покидают Берестовец, нечаянно позабыв прихватить свое детище, оставшееся с того времени на попечении теток». Такова была точка зрения и самой Наталии Алексеевны и всего ее окружения.

Возможно, лишь после того, как супруги Ремизовы выехали за границу, Серафима Павловна делала попытки вытребовать дочь к себе. Помню несохранившееся ее письмо Наталии Алексеевны от 1928 г., в котором Серафима Павловна упрекала дочь, что последняя только по своей глупости отказалась жить с родителями. И вызвана была эта «глупость», в конечном счете, глубоким убеждением Наталии Алексеевны в своей ненужности родителям.

Так или иначе — после отъезда супругов Ремизовых за границу их связь с Наталией Алексеевной практически прервалась. В письме А. М. к В. И. Богатко от 14.XI 1946 г., переданном мной в ИРЛИ, он писал: «Наташу я видел последний раз в 1917 г. Последнее, что знаю — о рождении Бориса (имеется в виду автор этих строк — Б. Р.). И больше ничего».

Это не совсем точно, т. к. переписка между Серафимой Павловной и Лидией Павловной продолжалась до 1937 г.: в своем последнем письме к сестре Серафима Павловна писала (письмо передано мной в ИРЛИ), что весточки от сестры, ответом на которую было ее письмо, она ждала пять лет.

Этот перерыв был, увы, закономерен. Клеймо «дочери белоэмигранта» лежало на Наталии Алексеевне почти до ее преждевременной смерти. После окончания университета она, как подающий надежды филолог-литературовед, была рекомендована в аспирантуру, куда успешно поступила. Но через несколько месяцев была отчислена из аспирантуры только из-за этого

клейма. А в 1937—38 годах ситуация вокруг Наталии Алексеевны сложилась такая, что и она, и ее друзья все время жили под страхом ее ареста и ссылки. Отчетливо помню, как Наталия Алексеевна, придя от своих друзей, у которых она долгое время не была в те годы, рассказывала, что когда она вошла к ним в дом, муж хозяйки дома сказал: «А мы уже думали, что Наташа где-то на Колыме»...

Эта чаша, слава Богу, миновала ее — почти чудом. Но как бы там ни было, мне отчетливо помнится многое, свидетельствующее о том, что она так и не простила своим родителям их равнодушного, как ей казалось, отношения к ней.

Умерла Наталия Алексеевна после тяжелой и продолжительной болезни 30 октября 1943 г. (в один год с Серафимой Павловной) и похоронена на киевском Лукьяновском кладбище в одной могиле — по ее желанию — с ее любимым дядей Сергеем Павловичем. Лидия Павловна пережила свою племянницу и воспитанницу на неполных 5 месяцев.⁵

Через много лет после того, как расширенный и, думалось, окончательный вариант этих записок (передан мной в ИРЛИ) был закончен, я получил от Н. В. Резниковой ее книгу «Огненная память», в которой были приведены слова Серафимы Павловны о том, что у нее никогда не было детей.⁶ Под сильным впечатлением от таких слов я тут же сообщил о них Е. С. Семеновой. В ее ответном письме, хранящемся у меня, было сказано, что для нее это не открытие: в окружении семьи Довкгело как берестовецком, так и Борзенском⁷ очень многие были убеждены, что Наташа — дочь не Серафимы Павловны, а ее старшей сестры Екатерины Павловны (по чьему метрическому свидетельству, как вспоминает Алексей Михайлович, Серафима Павловна венчалась с ним в Херсоне⁸). Е. С. Семенова вспоминает рассказы своей матери о том, что Алексей Михайлович во время своих приездов в Берестовец был подчеркнuto любезен и внимателен именно и только по отношению к Екатерине Павловне. А еще раньше Е. С. Семенова вспоминала, что на воспитание и особенно на учебу Наталии Алексеевны решающее влияние имела не Лидия Павловна, а опять-таки именно Екатерина Павловна, с которой племянница считалась больше, чем с не в меру баловавшей ее Лидией Павловной.

И хотя Н. В. Резникова, которой я тогда же написал об этом мифе, категорически и аргументированно отвергла его — привожу в заключение моих записок этот миф лишь для того, чтоб дополнить весьма убедительную мысль О. П. Раевской-Хьюз о мифологизации образа Серафимы Павловны в творчестве А. М. Получается, что ее образ был мифологизирован также и ею самой, и ее окружением: литература и жизнь сомкнулись...

Примечания

¹ См. *Резникова Н. В.* Огненная память. Berkeley, 1980. С. 44—59.

² См. там же. С. 58—59.

³ *Соловьева П. (Allegro)*. Елка. Стихи для детей. С рисунками автора, Т. Гиппиус и др. Издание журнала «Тропинка» 6. г. (судя по дарственной надписи — не позже 1906 г.). Стихотворение, посвященное Наталии Алексеевне — С. 5; *Манасеева Н.* Мамино детство. Повесть из институтской жизни. Рисунки А. Линдемана. Издание журнала «Тропинка», 6. г. (судя по дарственной надписи — не позже 1910 г.).

⁴ См.: *Резникова Н.* Огненная память. С. 45.

⁵ В этой связи отмечу одну неточность в книге Н. В. Резниковой: она пишет, что о смерти Наташи А. М. сообщила в 1946 г. Лидия Павловна (см. там же, с. 57). На самом же деле об этом сообщила ему В. И. Богатко, т. к. к тому времени Лидии Павловны уже не было в живых.

⁶ См. там же. С. 48.

⁷ Г. Борзна — ныне Черниговской области, районный центр (а до 1917 г. — уездный город) за 12 км от Берестовца. В Борзне жили самые близкие друзья семьи Довкгело, а потом и Наталии Алексеевны.

⁸ См.: *Ремизов А.* В розовом блеске. Изд-во им. Чехова. Нью-Йорк, 1952. С. 397.